Игорь Беленький

Пока мы их помним

18+

Игорь Беленький
Пока мы их помним

https://litres.ru/74697897
SelfPub; 2026

Аннотация

Семейное поместье во Франции веками хранило свои секреты. Для молодого пилота Ги огромный старинный дом долгое время был лишь напоминанием о разбитых иллюзиях: болезненный развод родителей, исчезновение матери и появление в доме Сабины — ослепительной женщины, чья красота заставляла мужчин замирать на месте. Ги ищет спасения в бесконечных путешествиях и долгих ночных разговорах с Катей — девушкой из далекой, ледяной Сибири, ставшей его единственным верным другом.

Но судьба готовит герою крутой поворот: сложное, обжигающее чувство к Сабине, расцветшее вопреки взаимному отчуждению и обидам прошлого, становится для него минутой истинного счастья. Счастья, которое оборвется слишком внезапно и жестоко. Череда трагедий уносит близких людей, и Ги понимает — эти смерти не были случайностью. Древние реликвии тамплиеров, веками скрытые в тайнике фамильной библиотеки, стали объектом охоты для влиятельного мистического братства, готового пойти на всё ради мифического могущества.

Содержание

Я НАЗОВУ ЕЁ … МОСКВА 5
Я ПОЗВОНЮ ТЕБЕ В ПЯТНИЦУ 51
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Пока мы их помним

От автора

Эта повесть создавалась с большими перерывами, как мозаика из разных периодов жизни, и изначально не планировалась как единое целое. В тексте вы встретите повторяющиеся мысли, образы и целые абзацы. Не спешите считать это ошибкой: память человека, пережившего потерю, всегда ходит по кругу, снова и снова возвращаясь к одним и тем же деталям, лицам и запахам. Это история-монолог, где прошлое не отпускает настоящее до самого финала.

Я НАЗОВУ ЕЁ … МОСКВА

Он возвращался всегда один. У него это называлось «трэвл бонус» – последние минуты, которые уже не путешествие, но еще и не дом. Послевкусие. А еще это называлось «коридором возврата». Когда разноголосица постепенно дробилась на отдельные звуки, потом на знакомые слова и, наконец, начинала восприниматься как вполне понятная и привычная родная речь.

– Добрый день, месье. Адрес, пожалуйста, – голос таксиста окончательно вернул к реальности.

Дорога узнаваема до мелочей. Нет, вот оно, новенькое. Бистро и крошечный магазинчик, знакомые с детства и торговавшие круассанами, такими вкусными, каких не доводилось ему пробовать больше нигде. Стоят, понурившись, словно стесняются появившегося на витринах, начавших уже покрываться дорожной пылью, «Продается или сдается в аренду». В больших городах такие объявления – нормальная часть городского пейзажа, в их же глуши… Впрочем, он не собирался задерживаться надолго.

Как всегда, не стал подъезжать к дому, прошел через парк к другому входу. Он никого не предупредил о своем приезде и теперь надеялся, что дома никого нет. Или хотя бы сумеет пройти незамеченным. Не получилось. Как ни аккуратно

вставлял ключ, а проклятые шавки учуяли. Ну да, вот и они, бегут навстречу, рыча и толкая друг друга.

– Что б вам… Фу, Рок, уйди от меня. Терпеть не могу, когда ты лизаться лезешь.

Значит, все дома. А, может и не все, отчего еще хуже на душе. Может, отца опять срочно вызвали на рейс. Это когда–то он знал отцовское расписание с точностью до минуты. Сейчас не то – почти все пилоты потеряли постоянную работу и теперь хуже таксистов перебиваются случайными полетами. Уж если не один дома, то встреча с отцом, скорее всего, самое приятное, что ждет его сегодня вечером. Если , конечно, с глазу на глаз. Если нет, то лучше об этом не думать.

На кухне темно. Свет включать не стал – как ни огромна была кухня , все–таки в семнадцатом веке, с которого ведет историю дом, кухни делали с размахом – он с детства мог пройти по ней с закрытыми глазами и ни разу не натолкнуться ни на древнюю печь, ни на многочисленные шкафы и шкафчики, ни на почти промышленного размера холодильник 50–х годов, служивший теперь простым украшением. До которого, благодарение богу, еще не добралась Сабина. В бога он не верил, но, похоже, равнодушие Сабины к кухне можно было считать проявлением разумности Провидения или что там еще регулирует жизнь смертных. Иначе никак не объяснить, почему к кухне так и не приложили руку нанятые ей модные дизайнеры. Которые, дай волю, убра-

ли бы и печь, и шкафчики, и холодильник – проклятый хай–тек, от которого мало что спаслось, воцарился бы и здесь.

– Ах, мадам, какое прекрасное пространство, просто простор для фантазии. Простите за каламбур. Конечно, часть мы сохраним. Ну, например, плиту. Надеюсь вы не собираетесь ей пользоваться. Ха–ха, – быстрая пробежка по кухне. – Может быть, еще часть плитки. И все. Остальное в серебристый перламутр. Это сейчас так актуально. Да, еще оставим часть посуды, так скажем, для цветовых пятнен и исторического колорита. Вы согласны с концепцией?

Холодный синий свет, уродливая мебель с хромом и посуда, в которой никто и не собирается готовить. Сабина не готовит. Она – красавица. Она – воплощение здорового образа жизни. Она – сокровище.

***

Мать… Вот она, еще молодая и улыбчивая, порхает по кухне. Тепло, упоительные запахи и её голос:

– Ги, малыш, не крутись под ногами. Не приведи господи, ошпарю. Скоро, цыпленок, все будет готово, попробуешь. Папа вернется, а у нас тут такие вкусности. Подрастёшь, научу. Хочешь?

– Да, ма . Конечно хочу. И мы приготовим самый–самый вкусный обед и испечем самый–самый большой торт. Правда?

– И всё у нас будет самое–самое. А теперь иди мыть руки.

Не вышло ни самого вкусного обеда, ни самого большого

торта, хотя чему–то он от неё научился. Пока … пока она была еще его матерью. Пока не пошло всё кувырком, накрыв как снежной лавиной все детские мечты. Воспоминания он гнал от себя – даже те редкие, которые становились все менее четкими и вскоре должны были бы навсегда стереться из памяти. Если бы не кухня, где иногда в детстве он еще и прятался от дедова гнева.

– Ну иди, иди ко мне. Опять провинился. Что на этот раз? Сознавайся – взял без спроса книгу из дедовой библиотеки? Конечно, можно и не гадать. И что тебе неймется, знаешь же, что устроит дед скандал.

– Угу, а потом будет час читать лекцию об обращении с книгами. Как–будто у меня голова вообще не соображает. Ужас.

– Не сердись на него. Знаешь же, что на книги он сумасшедший. Не сердись, рано или поздно всё твоим будет.

– Ма, пока я этого рано или поздно дождусь, мне уже расхочется.

– Не капризничай. Иди лучше попробуй, какой славный лосось получился.

– Лучше, чем для министра?

– Конечно лучше, цыпленок, ведь я его делала для тебя и для папы.

Он так и не понял, что произошло сначала, а что потом. Сначала Сабина, потом уход матери и её стремительное падение на дно, или просто семейная жизнь его родителей дала

трещину, которая, сначала почти незаметная, через какое–то время в один миг обрушила их дом.

– Как дела в школе?

– Нормально.

– Так, значит, всё плохо и даже еще хуже.

– Тебя, ма, не обманешь.

– Опять дискуссии по религии.

– Опять. Я уже объяснять устал, не хочу, не хочу и не хочу учиться в этой школе. Я не католик, я даже не крещенный. Ну и зачем мне всё это? Половина времени уходит впустую. Мало того, что все эти бредни слушать надо, так еще и сочинения писать. И экзамен лишний. Извини за «бредни». Не хотел тебя обижать, случайно сорвалось.

– Ну, положим, не случайно – это ты проговорился, на самом же деле просто так думаешь. В конце концов, дело твоё. Но, пойми же, наконец, Ги, дело не в твоем мнении. Это я про бредни. Что ты не крещен, причину знаешь не хуже меня. Вырастешь, почувствуешь, что тебе это нужно, крестишься хоть в католика, хоть в лютеранина, хоть в православного. Да хоть буддистом станешь. Не захочешь – воля твоя. Школа – совсем другое дело. Это не просто школа, это школа для…, – она на секунду задумалась, – не для всех. Конечно, времена изменились, а вот люди не особенно. Да еще в нашей глуши. Ты как–то правильно сказал, что у нас тут средневековье с мобильной связью. И ты думаешь, что в обычной муниципальной школе тебе будет лучше? Что над

тобой там не будут издеваться и делать тебе гадости? Не изобьют в туалете в первый же день. А учитель сделает вид, что он не в курсе и вообще ничего особенного не произошло.

– Почему ты так в этом уверена? Двадцать первый век уже. Напоминаю.

– И что? Ты для них чужой. И никогда не станешь своим. Может, даже будут тебе улыбаться, даже в гости придут, если пригласишь. Интересно же. А потом будут смеяться за спиной. И двадцать первый век тут ни причем.

– Всё равно, как только смогу, перейду в обычную муниципальную школу.

Мать машет рукой, понимает, что его не переубедить. А, может, решив, что набить самостоятельно первые в жизни шишки не помешает.

Он перешел в муниципальную школу. Потом он сменил их пять или шесть. И нигде не нашел друзей, даже не приятельствовал ни с кем. Кроме, Марселя, но он не друг, он больше, чем друг. С учителями было еще хуже, чем в католической : они считали его упрямым идиотом, аристократом, который строит из себя невесть что, высокомерным и неумным. Мать оказалась права – времена меняются быстрее нравов. Но о том, что её опасения и предсказания сбылись, не узнала. Ей было не до него. Да никому тогда не было до него дела. Были скандалы, суды и пересуды. Развод дело невеселое. Он остался с отцом. Это была эпоха «до Сабины». Может быть, самое лучшее, что было в его двадцатилетней жиз-

ни. На его школьные проблемы отец смотрел сквозь пальцы, справедливо полагая, что к школе надо относиться как к дождю. Не нравится, но что поделать. Заодно и начальная школа жизни, очень полезная, что бы вовремя расстаться с некоторыми иллюзиями. Так оно и вышло. Очень быстро понял, что большинство из тех, кто его окружает, просто–напросто тупы, нелюбопытны, ленивы, тщеславны и плохо образованы – порой скудость их знаний ставила его в тупик. Он же читал много, жадно, бессистемно, часто просто увлекшись книгой, взятой наугад из огромной домашней библиотеки.

Мать и в этом оказалась права – теперь библиотека в его полном распоряжении. Сабине она нужна только «для престижа». Он даже не уверен, что она читает что–то, кроме модных журналов, какие уж там классики…

Когда он виделся с матерью в последний раз? Кажется, года четыре тому назад. Подумал тогда, как же безжалостен алкоголь, особенно к женщинам. Мать, раньше весьма привлекательная, всего за несколько лет стала почти неотличимой от бомжих, которых он видел во множестве в Париже и Марселе. Конечно, она не ночевала на улице, вроде даже был у неё какой–то «бой–френд»…

В так хорошо знакомом ему платье, когда–то модном и дорогом, а теперь висевшем на ней как на вешалке и, кажется, не очень чистом. Еще сохранив остатки собственного достоинства, старалась сделать вид, что всё в порядке, что все у нее как надо.

Ничего не было в порядке. Кого хотела она обмануть, эта резко постаревшая женщина с сухими обесцвеченными волосами, небрежной косметикой и отечными руками пьяницы.

– Мама, я так тебя хорошо знаю, не надо притворяться, мама. У тебя нет пути назад. Ты погибла, мама. Я люблю тебя, мама…

Больше он с ней не встречался, сбрасывал её звонки. Потом звонить она перестала. Он хотел её запомнить мамой своего детства – улыбчивой и пахнущей чем–нибудь вкусным.

– Иди сюда, цыпленок. Ты у меня самый красивый, самый умный, самый лучший. Не плачь, сейчас мама поцелует, и все пройдет.

– Нет, мама. Ничего не прошло и не пройдет.

Он даже не знает, жива ли она. Но каждый год в день её рождения покупает её любимые чайные розы. Они стоят в её комнате, которую Сабина превратила в одну из гостевых. Сабина любит гостей.

***

Он уже почти привык к внезапным нашествиям её родни – многочисленной, разновозрастной, шумной. Дети с визгом носятся по дому и парку, их бабки не особенно стесняясь инспектируют содержимое буфетов, а мамаши, устроившись в гостиной сплетничают, не утруждаясь призывать отпрысков вести себя поприличнее. Иногда приходили подруги Са-

бины. С ними было проще, они хотя бы не заполоняли собой весь дом. Чаще всего сидели в столовой за барной стойкой, держались с достоинством, потягивали коктейли и явно заботились о том, какое впечатление производят. Кто–то пытался с ним заигрывать. Все они были для него на одно лицо, он даже имен их не мог запомнить, да к тому же вовсе не в его вкусе. Дамы попытки свои оставили и потеряли к нему всякий интерес.

Как хорошо, что дом такой большой и есть, где укрыться от непрошенных визитеров. Впрочем, это только ему они были в тягость. Отец вида не подавал, общался с ними как радушный хозяин, они даже изобрели свой особый язык: смесь испанского, французского, пиджина, мимики и жестов. Впрочем, взаимное понимание было не самоцелью, похоже, что сам факт пребывания в гостях был достаточен для общего комфорта.

Он любил, когда к ним приезжали старые друзья отца. Шахматы, книги, разговоры обо всем, что, с его точки зрения, только и могло быть предметом обсуждения: литературные новинки, выставки, политика. Чаще всего молчал и слушал. Будучи от природы стеснительным, боялся сморозить глупость или, того хуже, банальность. Получив в ответ снисходительное «да, конечно», за которым бы явственно читались легкое презрение и сочувственное «подрастешь– узнаешь и поймешь». Сабина, привыкшая быть в центре внимания, поначалу пыталась составлять им компанию, но, быстро

поняв, что в перечень её достоинств разговор на темы, выходящие за рамки салонов красоты, модных магазинов и семейных сплетен, не входит, с важным видом поприветствовав гостей, неспешно удалялась к себе.

Иногда ему казалось, что некоторые неявно, но недовольны её отсутствием. Все–таки, что ни говори, а красивая женщина, даже не красивая, а просто симпатичная, тонизирует любое общество. Про Сабину же нельзя сказать «красивая женщина». Ослепительная женщина, фантастическая женщина, чья красота заставляет мужчин замереть на месте и от которой у них захватывает дух, будто на русских горках, когда сердце на миг останавливается, а через секунду, как в бездонную пропасть, обрушивается вниз. И уже ни до шахмат, ни до вернисажей, ни до автогонок и уж тем более не до философии и политики. Он очень хорошо понимает, почему и как это происходит.

Он ждет отца с минуты на минуту. Вот, наконец, звук мотора на подъездной дорожке. Он бежит навстречу – и останавливается, словно с разбега налетел на стену. Несколько секунд тишины. Отец слегка смущен. Откашливается:

– Знакомьтесь. Мой сын Ги. Сабина. Сабина Алмейда.

– Очень рад, – ему кажется, он не говорит, а каркает, как простуженная ворона, до того пересохло в горле.

– Очень приятно. Я тоже очень рада, – гортанный акцент, едва тронувшая губы улыбка, взгляд куда–то поверх головы, словно ничто из происходящего не интересует. Она мыслен-

но где–то далеко. А сейчас просто на миг снизошла с Олимпа свой безупречной красоты, вынужденно уделив внимание простому смертному.

Это чуть позже он понял, что эта внешняя сдержанность на грани надменности – не больше, чем одна из её уловок. Попытка компенсировать недостатки образования и боязнь faux pas, свойственная большинству тех, кто хорошим манерам вынужден был обучаться по романам «Розовой серии», журналам и сайтам «Как вести себя в…».

Впрочем, она умна. Умна тем специфическим умом, сродни хитрости, которым обладают некоторые выходцы из среды, которую про себя он называл «дети рабочих окраин». Особый тип восприимчивости ко всем внешним обстоятельствам, помогающий почти безошибочно принять самое верное решение. Самое верное – то есть максимально направленное на собственные благополучие и комфорт. Может быть, это и не ум в традиционном понимании высоколобой публики, выросшей в оранжерейных условиях профессорской среды или с «серебряной ложкой во рту». Может быть, это просто интуиция, дарованная природой тем, для кого доступ к знаниям был чем–то несбыточным вначале, и к чему позже они потеряли всякий интерес, доведя концентрацию эгоцентризма до максимума и сосредоточившись исключительно на достижении понятных и осязаемых благ. Иногда он корил себя за высокомерие, возводящее сложно преодолимую преграду взаимного отчуждения, о которой преду-

преждала мать.

Хотя гораздо честнее было бы признаться себе самому, что не его высокомерие виной тому, что он старался как мог избегать оставаться с мачехой с глазу на глаз. А обычный страх, какой бывает у робких учеников перед директором школы. Хотя именно в школе робким он не был, позволяя себе спорить не только с однокашниками, но и с учителями, если считал, что они говорят глупости и попросту плохо знают, о чем говорят. Дома же… Поначалу даже узнавал у отца, когда того не будет дома, и заранее готовился «к подполью»: приносил в свою комнату «воду и припасы», что бы из комнаты выходить как можно реже, а лучше и не выходить вовсе, до тех пор, пока не услышит знакомый звук приближающегося авто. Ждал, когда, по его расчетам, отец и его «новая мама» поприветствуют друг друга, потом сам шел к отцу. Скоро понял, что может не ждать. Сабина редко выходила отцу навстречу, предпочитая дожидаться его в гостиной или в своей комнате.

Умела внушить уважение и подчинить себе окружающих.Тихо, исподволь, ни на чём не настаивая, не устраивая сцен и скандалов, которые в последние месяцы совместной жизни так часто закатывала мать, находящаяся на грани нервного срыва и все чаще и чаще эту грань переходившая.

– Ма, кончай реветь, уже невозможно. Ты всё выдумываешь, папа тебя любит, я тоже. Успокойся, от твоего крика всем уже невмоготу, я уже забыл, когда мы нормально раз-

говаривали.

– Заткнись, Ги. Я чувствую, я знаю – я всем вам в тягость. Ждете – не дождетесь, когда вы с твоим отцом меня в могилу сведете. И дом этот ненавижу. Особенно библиотеку твою любимую, – она с ненавистью смотрит на него, хотя ему иногда кажется, что смотрит она так, словно видит за его спиной нечто, скрытое от его взора и чего он не боится просто по незнанию. – Ничего, ты не бойся, я тебя отсюда вытащу, заберу с собой. Цыпленочек мой любимый. Будем с тобой вдвоем. Далеко–далеко отсюда уедем. И будет нам так хорошо вместе. И совсем–совсем не страшно.

– Мам, ты опять забыла лекарства выпить. Подожди, сейчас принесу. А потом поспи. Тебе надо отдохнуть.

Она вдруг замолкает и как–то скукоживается, покорно запивает таблетки и идет к себе. И так до следующего раза. И разы эти становились все чаще и чаще. Пока все, наконец, не закончилось так, как закончилось.

Потом были два счастливые года.

– В шахматы сыграем?

– Пойдем. Только ведь снова мне проиграешь, будешь дуться.

– А вот и не проиграю. В прошлый раз, вспомни, один–два и две ничьи. И вообще, если играть не будем, я никогда не научусь.

– Да идем, идем. Я разве против. Кстати, что читаешь?

– Мы школе проходили Корнеля и Расина. Ну, биография

и отрывки. Я решил всё прочитать. Потом Мольера.

– И как? По мне так отрывков вполне достаточно. Уж очень тяжеловесные и нудные.

– Что ты, так здорово написано. Язык просто потрясающий. Я думаю, что иностранцам, которые французский учат, надо обязательно хотя бы «Сида» и «Федру» прочитать полностью.

– Да–да, чтобы они не только французский забросили, а на всякий случай и во Францию ни ногой. Не все же такие как ты ценители классики. Это у тебя от деда – он зачитывался. Правда, Мольера больше любил. Ну, давай, начинаем. Твой ход.

Потом, став старше, как мог привел библиотеку в порядок. Сам вручную восстановил старые дубовые стеллажи, перебрал и почистил все книги, время от времени, сам того не замечая, «зависал» на складной лестнице – зачитывался совсем как дед покойный. Договорился с отцом, чтобы они вместе восстановили старые потолочные балки – вложил все деньги, которые оставила ему мать перед тем, как окончательно от них уйти, и то, что дарили ему дед с бабкой, разумно рассудившие, что деньги –лучший подарок. А внук уже найдет, на что их истратить. Он нашел. Библиотека стала его детищем, его сокровищем, его тихой гаванью. И главное – Сабина не переступала её порог. Никогда.

***

В темноте что–то ткнулось ему в ноги, и он чудом удержал

равновесие.

– Фу, Рок, это ты, оказывается. Дурак ты, Рок. Я уж было подумал, что у нас крысы завелись, пока меня не было. Из–за тебя чуть не разбился. И что тебе на месте не сидится, а? – взял собаку на руки.

Рок затих, в выпуклых черных собачьих глазах поблескивали отсветы лампы из коридора.

– А знаешь, ты на хозяйку свою похож. Не красавец, конечно, но что–то общее у вас есть. И глаза у тебя такие же как у неё – большие, черные и пустые.

Внезапно его охватило желание придушить этого крошечного беззащитного пса, словно, свернув ему шею, освободился бы от всего, что мешало ему самому спокойно дышать в доме, который когда–то был для него родным, и куда теперь он возвращался только по необходимости, стремясь как можно быстрее его покинуть.

Пёсик, почувствовав опасность – видимо, сам того не заметив, он все–таки его слегка придушил – жалобно тявкнул.

Поставил его на пол, слегка оттолкнул ногой. Он не виноват, просто маленький и безмозглый.

– Пошел отсюда, что б я тебя сегодня больше не видел. Иди, иди к своей подружке. Она не такая дура как ты. Уже, наверное, на подушках лежит, а не носится по дому. Или хозяева сексом под вечер решили заняться, а тебя выставили, что бы нос свой не совал куда не надо и с советами не лез. Так?

Год назад он тоже вернулся домой вечером, никого не предупредив. А зачем предупреждать, если не очень это кого–то интересует. Поспешил к отцу, по которому очень соскучился. Постучал. Не дождался ответа, распахнул дверь. Как в прошлой жизни. Когда отец любил шутить: «Сначала просунь голову, потом постучи». Они так и делали. В прошлой жизни, которая на то и прошлая, чтобы про неё забыть.

Их он сначала увидел в зеркале. Отца, стоящего к нему спиной. Её – обнаженную, с распущенными роскошными волосами, расслабившуюся в отцовских руках. Отец не слышит, что он на пороге. Взмах пушистых ресниц – она никогда их не красила, подчеркивая, какие он у неё от природы длинные и густые – и Сабина открывает глаза. Качает головой и прикладывает к губам палец с нежно–розовым ногтем. Тише, тише, тише. Он и без неё это понял, она совсем его за идиота держит… Она немного ослабила отцовскую хватку, встала так, что стала ему видна почти полностью. Какие, оказывается, у неё темные соски, а грудь–то уже обвисать начала. Скоро отцу придется на хирурга раскошелиться. А отец уже начал сдавать: лысина довольно заметная, да и мышцы на спине неплохо бы подкачать…

И вдруг, он потом даже засомневался, может быть, ему просто в неясном свете показалось, игра света и тени – она подмигнула ему. Он вздрогнул как от удара. Вышел и тихо закрыл дверь. Не хотелось ставить отца в неловкое положение. Прислонился к стене. Сердце стучало так, что казалось

– оно теперь навсегда обосновалось в горле, и теперь главное не дать ему вырваться наружу. И в такт его бешеным ударам: сука, сука, сука. Грязная, циничная, мерзкая, бессовестная сука. Стояла у него перед глазами. С распущенными волосами и темными сосками на белой груди. Ему вдруг подумалось, совсем как украшения на торте, который мать пекла на его день рождения по своему собственному рецепту. Украшения он всегда съедал первыми.

Кончил быстро и зло. Посмотрел в зеркало. Чего она хотела от него? Унизить? В постель к себе затащить? Скорее, ни того, ни другого. Как обычно впечатление произвести. Делает это бессознательно. Всегда самая красивая, всегда неотразимая. Ни один мужчина не устоит. Отец и не устоял. Отца жалко. Его умный и всегда такой рассудительный отец – и вдруг такая пустышка. Опасная, кстати, пустышка, если хорошенько присмотреться. Получит от него по максимуму все, до чего руки дотянутся, а потом бросит. На черта он ей будет нужен. Найдет помоложе или побогаче. А лучше чтоб и то, и другое.

Кстати, не такая он уж и красавица, как всем кажется. Грудь тяжеловата, да и ноги не ах. Когда без каблуков. Интересно, если без салонов красоты, надолго ли её хватит. Хмыкнул тихонько, представив её в косметической маске и с всклокоченными волосами. Красит их уже наверняка.

***

Он больше не боялся.

Утром следующего дня нашел её в гостиной, листающей журнал. Идеальная косметика, волосы забраны в тяжелый черный пучок, надменно–отрешенный взгляд.

– Доброе утор, Ги. Я занята, у тебя что–то срочное?

Ну конечно, она занята. Господи, к чему этот цирк.

– Да, срочное. Я хотел бы попросить тебя ничего не трогать без разрешения в библиотеке. Пока меня не было, кто–то там опять копался. Кажется, я уже много раз предупреждал, не умеете обращаться с книгами, не трогайте.

Неожиданно она вспыхивает, на миг утратив обычное самообладание. Почти визжит. Он смеется про себя. Госпоже красавице не стоит так нервничать, а то морщины появятся раньше срока.

– Да не нужна мне твоя проклятая библиотека. Носишься как идиот со своей книжной рухлядью, как будто она кому–то кроме такого полоумного как ты интересна. Что мне там делать? И по другим причинам тоже не хожу. Но тебе о них знать не обязательно. Повторяю, мне там делать нечего.

С особым ударением на «мне».

– Конечно, я не сообразил. Тебе там нечего делать. Не знаю, можешь ты туда зайти или нет. Не очень, честно говоря, верю во все эти твои мистические россказни про злыдней потусторонних, которые там якобы тебя чуть ли не на месте жизни могут лишить. – усмехнулся, – Так что еще раз повторяю: если что–то там понадобится или заинтересует, в чем я, правда, сомневаюсь, спроси у меня. Я покажу. От те-

бя, Сабина, у меня секретов нет.

Он почти торжествовал. Готов был рассмеяться ей в лицо. Сдержался.

Почувствовала, что дала слабину. Крик всегда признак слабости. Взяла себя в руки. Заговорила почти спокойно.

– Я поняла. Уверяю, что без тебя туда никто не ходил. Если что–то тебе показалось, то с этим, прости, я ничего поделать не могу. Это, пожалуйста, к психоаналитику. Захочешь, порекомендую тебе хорошего специалиста. Я время от времени пользуюсь его услугами.

Да, конечно, модной даме никак без психоаналитика нельзя. Такой же необходимый аксессуар как приличная машина и новинки от домов с громким именем.

В руках опять журнал. Листает со скучающим видом.

– У тебя еще что–то ко мне?

– Держи своих собак при себе. Что б духу их ни в моей комнате, ни в библиотеке не было.

– Чем тебе собаки не угодили? Ах да, какая же я бестолковая. Возьмут без спроса Мольера почитать, – «Мольера» подчеркнуто театрально, – да и попортят. Ты этого не переживешь. Понимаю.

Он начинает закипать. А вот этого как раз и нельзя. Пауза.

Она явно ждет, что он, как обычно, сорвется, наговорит того, чего не следует. Как же приятно потом небрежно пожаловаться: твой сын опять мне нагрубил. Кажется, я ничего ему плохого не сделала. Не понимаю, почему он так со мной.

Я уже от этого устала. И наблюдать, как муж краснеет и что–то лепечет в оправдание.

Сегодня такого удовольствия он ей не доставит.

– От собак грязь. Ты же не моешь их каждый раз, как они с улицы прибегают. Шатаются неизвестно где и неизвестно, что сожрали. Особенно Рок. Помнишь, как его рвало на диван, на котором ты лежишь. А потом туда же и пропоносило. Это когда он мышь дохлую сожрал. Тебе, может быть, все равно. А я, видишь ли, брезглив.

Она едва заметно ёрзает на диване. Опять срывается на крик.

– Да, тогда собаке было плохо, и что? Мы с твоим отцом так разволновались из–за этого, хорошо, что ветеринар вовремя успел. А в тебе, Ги, ни капли жалости. Уж не ты ли отравил? А?

– Кажется, Сабина, если бы кому–нибудь из нас стало плохо, ты бы меньше волновалась. И еще подумала бы, вызывать врача или немного повременить. На всякий случай. Может, и образуется всё. Так, как ты хочешь.

– На что ты намекаешь? – в глазах на миг испуг. Хотя могло и показаться. Желаемое принял за действительное

– Я не намекаю. Просто строю предположения.

– Оставь свои предположения при себе. Извини, теперь все. Хочу дочитать статью до того, как Лорена придет. Она сегодня обедает у нас. Надеюсь, ты не против.

– Нет, не против. И да. Теперь, когда я буду уезжать, моя

комната будет заперта. Убирать там не надо. Сегодня к обеду меня не ждите.

Она пожимает плечами и делает вид, что углубляется в чтение.

Он уже почти вышел, когда услышал за спиной:

– Мы думаем кое–то переделать в доме. Боюсь, придется побеспокоить твою драгоценную библиотеку. Немного её, как бы это сказать, подвинуть. Нужно место для маленького бара. Это будет так стильно. Но ты не беспокойся, книги твои не пострадают. Отец даже согласился нанять местного библиотекаря на время. Он перенесет книги и проследит, что бы классики не были в обиде.

В умении наносить удар ей не откажешь. Сердце опять забилось в горле. Опять приготовилось вырваться наружу.

– Я не беспокоюсь, – постарался, что бы голос его не выдал. – Просто этого не будет, и все. Так что передай отцу, что с библиотекарем не стоит договариваться. А вообще–то я с отцом сам поговорю.

Уже в дверях резко обернулся. Она, забыв про журнал, смотрит ему в спину.

– Сабина, я давно хотел тебе сказать. Точнее, просто тебе напомнить, что это не твой дом. Вернее так. Не только твой дом. Или пока не твой дом. Так что ты напрасно об этом забываешь. Ты напрасно забываешь про меня. А я есть. Так что не сбрасывай меня со счетов. И будь добра согласовывать свои прожекты не только с твоими дизайнерами, но и

со мной. – он даже слегка поклонился. – Буду крайне признателен.

Улыбается ему лучезарной улыбкой.

– Ги, дорогой, я всё поняла. Поделюсь с тобой первым.

– Вот и хорошо. Пока. Лорене привет.

И тут неожиданно для себя он подмигнул ей. Кажется, если бы он дал ей пощечину или кинул в неё чем–нибудь, эффект был бы меньший. Порой интуиция позволяет нам бить противника его же оружием. На этот раз он попал в цель.

Библиотеку он отстоял, хотя разговор с отцом был не очень приятным. Чуть не поссорились единственный раз в жизни. Отец первым пошел на попятную. Какой же он все–таки необыкновенный, его отец. И как же с ним могло случиться то, что случилось. А вот взяло и смогло. И теперь им обоим с этим надо жить, причем так, чтобы не сгорели от случайной спички мосты понимания и приязни, которые были между ними всегда.

***

Прошел по темной кухне, вышел в коридор. Струсивший Рок решил улизнуть и не попадаться ему на глаза хотя бы этим вечером.

В полутемном коридоре он не сразу её заметил. Она стояла к нему спиной, в темном пеньюаре в пол, с распущенными волосами. Услышав шаги, повернулась.

– Привет, – голос тихий, её фирменное бархатное контральто. – Ты, как всегда, без предупреждения. Я просто за-

метила, что Рок носится как сумасшедший. Решила, что он хотел тебя поприветствовать первым. Как видишь, не ошиблась.

Чертов пес. Надо было все–таки его придушить. Предатель несчастный.

– Добрый вечер, Сабина. Отец дома?

– Нет, срочный полет. Уехал часа два тому назад. Хочу с тобой поговорить, Ги. Не против?

– Извини, очень устал. Может быть, завтра?

– Сегодня. Сейчас. Давай в библиотеке, в гостиной холодно. А там всегда тепло. Как видишь, на книгах мы не экономим.

Берет его за руку. Рука нежная, сухая и теплая, почти горячая. Он слегка упирается, но выхода нет. Покорно идет за ней. В библиотеке полутемно, как и в коридоре. И очень тихо.

Она ведет его за собой. Она идет спиной вперед, она смотрит ему в глаза. Еще немного и он не выдержит этого взгляда. Она никогда не смотрела не него так: пристально и обжигающе. Наконец, она упирается спиной в письменный стол. Он невольно замечает, что в его отсутствие к столу никто не подходил. Замечает по ему одному известным признакам, но сейчас ему все равно. Её руки у него на шее. Какая, оказывается, она сильная. Дорожная сумка с глухим стуком падает на пол. Обнимает её, зарывается лицом в густые волосы, пахнущие чем–то незнакомым и волнующим. Она отталки-

вает его, и быстро, он даже не успевает сообразить, что произошло, садится на стол – пояс от пеньюара летит на пол. Вот они, украшения на торте. Он всегда начинал с них. Господи, как же хорошо. Гибкое, жаркое, жадное.

Голова закружилась неожиданно. Пол начал уходить из–под ног. Откуда вдруг такое холодное дуновение? Словно кто–то открыл дверь в дождливую ноябрьскую ночь. Почему так странно пахнет мокрой листвой? И звуки: голоса, шёпоты, плач. Ему кажется, кто–то слегка толкнул его в спину. Отпрянул от гибкого, жаркого, жадного, ставшего на короткий миг таким желанным. Услышал знакомый голос:

– Ги, цыпленок. Осторожней, ты обожжешься. И будет больно. И ты будешь плакать, хотя ты уже большой мальчик. Но мама всегда с тобой. Тебе только надо её слушаться. – говорит что–то еще, но все тише и тише, он уже перестает понимать.

– Ты что, что с тобой? – в шепоте нотки обиды и разочарования.

Шепот возвращает его к реальности. До боли нажимает пальцами на веки. Открывает глаза. Она уже соскочила со стола, поднимает с пола пояс, с силой запахивает пеньюар. Еще немного и нежный шелк не выдержит. Она на полпути к двери.

– Придурок ты, Ги, – говорит тихо, в голосе жалость и презрение. Может быть, ничего из того, что случилось дальше, и не было бы, если бы не эта снисходительность.

– Чего тебе надо? Ты, хитрая, мерзкая, похотливая сука, – от гнева слова звучат отрывисто. Тебе мало моего отца, решила мной заняться. Со скуки или секса тебе не хватает? Понятно, к старости сексуальные аппетиты растут. Да и новенького чего–то захотелось.

Она рванулась к нему, пощечину хотела дать. Это же так красиво выглядит со стороны, даже если из зрителей только старые тома на книжных полках. Он перехватил её руку.

– Идиот, больно же, – она уже кричит. – Думай, что делаешь. Чокнутый.

– Похоже, я в точку попал. Здорово ты придумала, Сабина. И удовольствие получить. И меня на коротком поводке держать. Молодец. Один раз ноги разведешь, с тебя не убудет, а потом верти мной так и сяк, на любой вкус.

– С тобой–то удовольствие получить? Ха, не смеши. Ты себя давно в зеркале–то видел? Кому ты нужен, урод. Кто на тебя позарится. У тебя вообще кто–нибудь был или до сих пор кроме правой руки никого.

– Кроме левой руки, Сабина. Забыла, что я левша? И что ты там мне пела про то, что тут в библиотеке упыри, или кто они там, чуть ли не на твои жизнь и честь покушались. А ты у нас натура нежная, так что больше сюда ни ногой. Про это тоже забыла? Сегодня привидения погулять пошли и тебе об этом сообщили?

– Ты дурее, чем я думала. Маленький, ты и вправду решил, что я могу поверить, в ту ахинею, которую твоему от-

цу твоя безумная мамаша наплела. В сумасшедшем доме ей самое место, видать…

Она не смогла договорить. Потом он не так и не вспомнил, что было важнее. Напоминание о матери или это вот простецкое «видать». Схватил под горло за воротник, сжал так плотно, что она едва дышала. Выплевывал слова в ненавистное лицо, словно надеялся, что каждое его слово оставит отметину на этой ухоженной коже, превратит его в уродливую маску.

– Только попробуй еще раз что–то вякнуть про мою мать. Убью. И если из–за тебя, сука, что–то случится с отцом, убью. Так и знай. Что б сидела с этого дня тихо, как мышь. Надеюсь, ума у тебя хватит молчать о том, что здесь было. И моли бога, что бы я держал рот на замке. Предупреждаю, если какую–то гадость опять замыслишь, я все скажу, чего бы мне это ни стоило. И тогда прости–прощай салоны красоты, модные тряпки и курорты. Опять окажешься там, откуда тебя мой отец вытащил. – заговорил спокойнее. – Напоминаю, что ваш контракт составлял хороший друг нашей семьи. Так что немного тебе перепадет при разводе. А теперь пошла вон.

Оттолкнул её так, что она ударилась плечом о дверь. Вскрикнула, хотела что–то сказать, передумала. Уже в дверях:

– Ну, смотри, гаденыш, теперь уже точно, кто кого. Не думаю, что у тебя есть шанс.

– Не играй с огнем, Сабина, ресницы опалишь. Да, вот еще что: если у тебя проблемы с нижним бельем, ты скажи. Могу из Москвы привезти. С серпом и молотом. Лорена от зависти с ума сойдет. И, кстати, живот тебе надо немного подтянуть. Да и грудью заняться. Возраст есть возраст.

***

В комнате темно. Бросил сумку в угол, разберет ее завтра, всё завтра, всё завтра… рухнул на постель одетым, хотя раньше никогда так не делал. Отец, в прошлом кадровый военный, приучил его к порядку, любил повторять, что без дисциплины и порядка в мелочах не будет и порядка в мыслях. Внезапно накатил гнев. Отец, тебе ли рассуждать о порядке в голове. Если бы не ты… Да, это ты, папа, всегда такой рассудительный, рациональный, хладнокровный, привел в дом эту гадину. Вспомнил, как она держала его за руку, и его передернуло, словно коснулся чего–то холодного и липкого, хотя и знал точно, была мачехина рука теплой, сухой и нежной. Сразу же остыл. Папа, понимаю тебя. Всё понимаю. Да, отец, в отличие от него, почти нелюдимого, человек общительный и не терпящий одиночества. После ухода матери вечерами зажигал свет во всем доме, включал музыку, слонялся из угла в угол с потерянным видом и в себя приходил только тогда, когда собирался в полет.

Мама, мама, мама. Где ты сейчас, мама? Вздрогнул от внезапной догадки. Нет больше его мамы. Иначе кто бы удержал его на самом краю. Не дал ему плюхнуться с размаху в

грязную лужу.

А, может и пригрезилось ему всё? Нет, не Сабина, с ней–то как раз все было ясно. Незатейливая оказалась дама, хотя и хитрая, а вот уровня её бесстыдства он явно раньше недооценивал. Про его отношения с женщинами, надо признать, почти угадала. Она права, у него никого не было, а он об этом и не задумывался, считая, что пусть все идет как идет. Несколько интрижек с однокурсницами в университете, откуда он ушел после двух лет, осиленных через «не могу», можно в расчет не принимать. Они были настолько случайными и короткими, что теперь он, скорее всего, и не узнал бы своих бывших подружек, случись им столкнуться на улице нос к носу.

В женщинах старался видеть друзей, более тонко чувствующих, понимающих, готовых слушать и слышать, не донимающих шутками «ниже пояса» и такого же уровня признаниями о своих собственных похождениях. Пожалуй, в женщинах, с которыми он был знаком, ему иногда недоставало интеллекта и того, что принято называть общими знаниями, хотя к своим собственным он относился довольно скептически. Только мать считала его совершеннейшим эрудитом, ходячей энциклопедией, но именно в этом мнению матери, чей круг чтения недалеко выходил за рамки журналов для домохозяек и сентиментальных романов, доверять не следовало.

Впрочем, одну женщину, с которой можно было говорить

обо всем, он, кажется, нашел. Звали женщину ласковым именем Катя. Она смеялась над тем, как он произносит её имя «Катья» – никак не справляясь с этим русским «я». Смеялась искренне, по–доброму и совсем не обидно. Но на Кэти или хотя бы Кати не соглашалась. Она жила в далеком сибирском городе, который открыл для него отец дет пять тому назад, когда взял его с собой в полет. Далекий сибирский город, где уже стоят холода, а над величественной замерзшей рекой висит красно–лиловый солнечный диск, при взгляде на который становится еще холоднее. Город, где стылый воздух кажется почти осязаемым, а снег так пронзительно скрипит под ногами прохожих, что хочется крикнуть им: «Стойте!», лишь бы только не слышать этого режущего слух визга. Но прохожие не замечают грозного солнца, не задыхаются от ледяного воздуха, грозящего ранить легкие, не слышат пронзительных снежных воплей. Они привыкли. Катя тоже привыкла.

С Катей можно поговорить обо всем. Но обо всем ли? Конечно, о том, что произошло только что между ним и Сабиной говорить он не будет. Ему стыдно, да и обсуждать тут нечего. Повторение избитого сценария для плохого сериала. Если хватит духу, он расскажет ей о том, что сам, казалось, уже почти забыл.

Он и раньше относился к таким рассказам скептически, списывая все на материну впечатлительность и увлечение всем таинственным: семейными преданиями и легендами,

которых за трехсотлетнюю историю их дома набралось достаточно, впору отдельную книгу издавать. Изредка он даже позволял себе подтрунивать над матерью, предлагая ей в шутку взяться за «хроники старинного дома с призраками и привидениями». Мать сердилась, пыталась убедить, что все это не досужие выдумки для «пикантности» (у нас тут не гостиница, в которую туристов байками заманивают), а самая что ни на есть правда. Что живут в их доме души тех, кто появился на свет и ушел в мир иной задолго до его, Ги, появления на свет. И задолго до того, как появилась на свет она, его мать. И даже до того, как родилась её мать, а его бабушка, которая не очень жаловала дом и предпочитала при каждом удобном случае уезжать в их парижскую квартиру, ссылаясь на здешние заброшенность и скуку. Особенно не любила библиотеку. Он сам, заставший бабку уже глубокой старухой, помнил, как ворчала она, когда дед целыми днями возился на стеллажах, любовно перебирал книги и, наконец, выбрав что–нибудь из «старенького», усаживался в свое любимое кресло, уже продавленное за десятки лет дедова книгочейства. И все в доме знали, что лучше его не трогать.

– Опять засел до ночи. Это не кончится никогда. Слава Богу, что еще с лестницы не свалился. – она ругалась, скорее, по привычке. Но никогда сама в библиотеку не заходила, предпочитая, вконец заждавшись деда к столу, звать его с порога: «Ты скоро? Тебя все ждут. Имей совесть, мы не начинаем без тебя. Твои книги от тебя не убегут, если за столь-

ко лет никуда не убежали, а вот все труды Ивонны, извини за грубость, но псу под хвост» – «Начинайте без меня,» – отмахивается дед, не отрываясь от книги. Бабка еще некоторое время стоит на пороге, потом машет рукой и уходит, что–то недовольно бурча себе под нос.

– Бабуля, а почему ты не можешь зайти и вытащить дедушку из библиотеки, как меня из детской, – он еще совсем мал, и бабушкино могущество кажется ему безграничным.

– Потому что не могу, – она прибегает к обычному приему взрослых, когда они не могут или не хотят говорить правду. – Не могу и всё. И хватит задавать глупые вопросы. Быстро к столу.

Потом он начал приставать с расспросами к матери, которая держалась до последнего, но единожды не устояла перед его настойчивостью. – Видишь ли, раньше на месте нашего дома был монастырь. Впрочем, тебе это и без меня известно. Библиотека – самая старая часть нашего дома. Она, конечно, перестраивалась и переделывалась не раз и не два. Даже на моей памяти дед в ней кое–что переделал. Но это не главное. – А что тогда главное? О чем все молчат, что это за секрет такой? – Да, секрет. Одним словом, женщинам лучше туда не ходить. Бабушка рассказывала, а она, естественно, не сама это придумала, слышала от своей родни, что постарше. Так вот, когда–то, еще когда здесь был монастырь, одна монахиня, – она задумывается. – Он не понимает, пытается ли она подыскать нужные слова или на миг погрузилась в свои

фантазии, у неё слишком живое воображение. – Короче говоря, то ли ее повесили, то ли сама она повесилась, не скажу наверняка, я разное слышала… Но душа её так и не успокоилась. До сих пор пугает всех женщин, кто порог переступает. Некоторых проклинает. Однажды я сама её видела. Больше не хочу, одного раза достаточно. – Мам, ну мы же современные люди. Как можно верить этим россказням, да еще их и бояться. Не понимаю, честное слово. – Я и не сомневалась, что ты не поймёшь. Ну, я тебе рассказала, а дальше как знаешь. Давай договоримся, на эту тему больше никаких вопросов и никаких разговоров.

Он забыл об этом надолго. Просто стер из памяти как нечто, к нему не имеющее никакого отношения. И вот так вот неожиданно к этому же и возвратился. С Сабиной вопросов у него нет. Скорее всего, отец пересказал ей семейные придания, которые, как правильно говорила мать, придают пикантности. А она, не будь дура, воспользовалась. Замечательное алиби. Я в библиотеку не хожу, потому что не хожу никогда. И подружкам есть, что рассказать. Да и черт бы с ней, с Сабиной.

Мама, мама, мама. Где ты? Не даёшь мне обжечься. Только теперь все сложнее. Не горячая сковородка, куда всегда пытался залезть, не дожидаясь, пока остынет. Мама, мне страшно, мама. Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, где теперь мой дом. Я не знаю, кто друг, кто враг. Я не могу теперь разговаривать с отцом, как раньше. Когда ты ушла, мама,

отец стал мне другом. Единственным человеком, которому я мог доверять. Потому что ты предала меня, мама. Ты оставила меня, мама. У меня не было никого, кроме тебя, мама. А теперь нет и отца. Мама, смотри на меня оттуда, где ты теперь. Ты же всегда верила в Небо. А я не верил. Так смотри на меня, смотри внимательно. Не оставляй меня, мама. У меня есть только ты.

Остро почувствовал одиночество. Не то одиночество, которое он любил. Когда все разъезжались, и он оставался один в их огромном доме. Понял сейчас, то было не одиночество, то был покой. Одиночество – это страх. Одиночество – это лежать одетым на кровати и бояться пошевелиться. Одиночество – это один на один со своими мыслями. Одиночество – это разговор с тем, кого нет рядом. Одиночество – монолог в темноте. Театр абсурда, где актер и зритель одно лицо и постоянно путают роли.

Какой же он дурак… Ему есть, с кем говорить. Катя. Катья из далекого города в Сибири, где всегда зима и даже солнце пугает своим ледяным лиловым светом. Она поймет. Он завтра обязательно позвонит ей. Он расскажет ей обо всем. О матери. О семейных байках. Даже о Сабине расскажет. У него не будет от нее секретов. Почему–то верил, что эта русская девушка с немного раскосыми глазами – у них в Сибири многие имеют в роду предков из местных – поможет ему. Скажет ей все, что помнит. Про библиотечные страхи бабки и матери, про непонятный камень, который они нашли в

потолочных перекрытиях, когда реставрировали балки. Про странные звуки, которые он для своего же спокойствия объяснял причудами акустики старого дома. Про собак, которые заходились лаем перед библиотечным камином.

Признается, как не по себе становится ему иногда в родном гнезде. И как раз от разу тяжелее становится возвращаться на родину, где все дальше отдаляется он даже от тех немногих, кого раньше считал друзьями. Где нельзя сказать, что думаешь, потому что надо соблюдать приличия и не выходить за рамки общественного договора о толерантности ко всему и вся. Где основным становится лицемерие даже между друзьями. А те, кто не хочет быть «как все» слывут личностями экстравагантными, что в переводе на нетолерантный называется попросту чокнутыми. И, в конце концов, становятся так же похожими друга на друга в своей инаковости, что сложно сказать, кто скучнее. Обо всем об этом он расскажет ей завтра. А сейчас – в душ и спать. Завтра же надо будет заняться российской визой, ему надо туда вернуться.

***

В Россию он влюбился с первого своего приезда пять лет тому назад. Влюбился в эту странную страну, где от бескрайних просторов захватывает дух и теряется ощущение реальности, где сто километров – не расстояние, а дома стоят так близко друг к другу, словно пугаются этой бескрайности, которая особенно остро ощущается зимой, когда снега и небеса сливаются в одно, а мир сокращается до вида из окна, разри-

сованного морозными узорами. Влюбился в страну, где реки могучи, леса темны и непроходимы, и кажется, что поезд, затерявшийся на этих пространствах, не остановится никогда. Никогда не доедет до конечной станции, потому что этой станции и нет вовсе, а есть только дорога в бесконечность. И разговоры с попутчиками, с которыми он с горем пополам объяснялся на английском, когда после нескольких рюмок водки все начинали понимать собеседника с полуслова. Заодно учил русские выражения, которые, как смеясь объяснила Катя – она смеялась часто и охотно – абсолютно необходимы в русской жизни, но которые употреблять публично не следует. Он удивлялся открытости этих людей, иногда ему казалось, что она граничит с почти детской наивностью. Удивлялся и их спокойному отношению к скудости быта, особенно в глубинке, где мобильная связь и интернет мирно уживаются с выгребным туалетом и колодцем.

Ему еще многое предстояло открыть для себя в России. Он хотел увидеть Петербург, о котором так восторженно отзывался отец. Пока же «его» городом была Москва. Москва… Ему нравилось здесь всё: широкие «сталинские» проспекты, кривые переулки Арбата и Замоскворечья, соседство шикарных салонов с забегаловками и магазинчиками , в которых, как ему думалось, мало что изменилось с брежневских времен. Нравилось метро, поразившее его роскошью отделки, грохотом непривычно длинных поездов и насыщенностью людского потока. Нравились московские

храмы так непохожие на себя «фотографические». Нравились люди. Всегда спешащие, как в любом мегаполисе, на ходу набирающие сообщения в гаджетах, не обращающие внимания на соседей в вагоне метро или в кафе, чаще не очень любезные и такие непохожие на неторопливых и солидных сибиряков.

Московских друзей было двое. Маргарита и Владимир. Ритка и Вован. Так проще, так они называют друг друга. Он тоже их называет так, они не против. Его ровесники, с ними легко и хорошо. Конечно, совсем не так, как с Катей. Но она старше и она … это она. Нет, он не был влюблен. Хороший друг, с которым откровенность легка и приятна, потому что единственным следствием открытости и искренности станет добрый совет или просто молчание, которое чаще лучше любых слов. С ней легко было молчать. Они не чувствовали неловкости от пауз в разговоре, знали, что это не от того, что нечего или страшно сказать, а от того только, что понимают все и без слов. Словами можно неосторожно все испортить, утопив в них и смыслы, и эмоции. С москвичами не то. С ними хорошо гулять по Москве, слушать музыку, с Вованом они даже пытались дуэтом играть на гитаре. Кажется, неплохо получилось. Рита тоже классная и очень симпатичная. Живая и непоседливая, с ней не соскучишься, благодаря ей он узнал город. Про себя он называл их прогулки «Нетуристическая Москва».

Он только приехал, а его уже тянет назад.

***

Визу делали как всегда долго. Наконец–то готова. Два месяца дома, а уже так хочется уехать. Сабина с ним подчеркнуто вежлива, делает вид, что никогда и не было ничего. Временами ловит на себе её настороженный взгляд. Боится. Это хорошо. Бойся, Сабина, бойся. Не доверяй мне. А я тебе. Отец, кажется, ничего не замечает. У отца своих проблем выше крыши, не до их разборок. Он унес свой письменный стол из библиотеки. Не мог оставаться там, вспоминал все время. И еще. Теперь ему казалось, что в библиотеке он никогда не бывает один, иногда даже оборачивался резко, словно кого–то боялся увидеть у себя за спиной. Этого еще не хватало. Проклятая баба. Когда был откровенен сам с собой, понимал, что Сабина – только самооправдание, от которого перед собой же стыдно.

Он боялся. Даже не очень помог разговор с Катей. Сначала он не решался с ней говорить. Сказалось присутствие на родине. Вдруг решит, что у него просто с головой не все в порядке, или скажет что–нибудь дежурное вроде «брось, тебе просто показалось, сам себя не накручивай и все будет окей». Но и помочь не смогла. Сказала просто: «Ты держись». Конечно, лучше, чем ничего, но он на нее рассчитывал. А, может, она и права. Это его дело. Только его, и никто ему не поможет, кроме него самого. Он держится. Хорошо, что держаться осталось не очень долго, скоро в Москву, а там видно будет.

***

«Через пять минут наш самолет совершит посадку в аэропорту «Шереметьево». Дамы и господа, просим перевести кресла в сидячее положение и пристегнуть ремни», – бесстрастный голос стюардессы вывел его из полусна, в котором он пробыл почти весь полет. Отдыхал от дома. В последний момент показалось, что мачехин силуэт промелькнул в библиотеке. Мог и ошибиться, уже сидел в такси, смотреть пришлось через стекло террасы, далеко. Да и пошла она, Сабина, куда подальше. Много чести, столько о ней думать. Гораздо сложнее было отделаться от мысли, что дом стал ему совсем чужим, а нового, который мог бы стать своим, не просматривается даже в очень отдаленной перспективе.

Странно, Москва показалась ему не такой приветливой как раньше. Наверное, нервы. Напряжение последних дней на родине дает о себе знать. Не очень убедительно, но других объяснений у него нет. А вот и Владимир, приехал встречать его в аэропорту, это очень кстати: московские таксисты с иностранцами не стесняются, обдирают безбожно. В дороге почти все время молчали, неловко молчали. Это потому, что долго не виделись. Это бывает, это почти нормально. Вот сядем за стол и, как говорит отец Вована, «по рюмочке за приезд». Он этот тост уже выучил по–русски. И станет всё хорошо…

Хорошо не стало. Что–то в нем сломалось, похоже, раз и навсегда. Он заскучал. Понял, что сказано уже все, что

можно было сказать. Что надоела еда, которая казалась такой вкусной вначале, а теперь тяжелым жирным комом падает в желудок. Надоели постоянные разговоры о политике. О том, как все плохо на родине и хорошо «у вас там», где они несколько раз были туристами и решили, что все про это мифическое «там» поняли. Надоела примитивная музыка, которую они слушали почти целыми днями. Надоела мрачная погода: ни осень, ни зима, а какие–то постоянные мокрые сумерки. Старался как мог мрачное настроение скрывать от «своих москвичей», боялся обидеть.

***

– Катя, извини, у вас там совсем ночь. Разбудил?

– Без проблем, для тебя в любое время. Да, к тому же я поздно ложусь. Что–то не так?

– Все не так, – заговорил тише. Как ни плохо Вован знает английский, а слышать ему разговор не нужно. – Я не могу здесь, Катя. Чужие люди вокруг. Чужой город, чужое всё, чего я не понимаю и никогда, скорее всего, не пойму. И, главное, не хочу понимать. Не обижайся, не о тебе речь. Ты для меня стала, как бы тебе сказать, вне России. Понимаешь?

– Понимаю. Гражданка мира.

– Не смейся.

– Я не смеюсь, я совершенно серьезно. Не обижайся, что напоминаю, но говорила я тебе, Ги, Россия – это иллюзия. Иллюзия открытости, иллюзия свободы, иллюзия понимания. Всё и все – иллюзия. Дальше продолжать?

– Не надо. И спасибо за откровенность.

– Что собираешься делать с этим своим открытием? Есть возможность улететь раньше?

– С этим как раз без проблем. У меня же отец пилот международных авиалиний. Он летает, а я пользуюсь его привилегиями, у меня билет с открытой датой.

– Тогда ближайшим самолетом. Когда?

– Надеюсь, в воскресенье, если будут места.

– Не тяни. И … не забывай, что есть я.

– Обещаю. Я позвоню тебе, когда прилечу.

– Вот еще что… помнишь наш разговор про твой дом. Тогда я не была готова и, чувствую, для тебя с этого разговора толку мало вышло. Так вот, я много думала об этом с тех пор. Теперь слушай внимательно, – голос неожиданно строгий, говорит почти как отец, когда учит его жизни. – Все, о чем ты мне рассказал, это правда и выдумка в одном флаконе. То есть в твоей голове. Но это очень опасно. Знаешь почему? Потому что ты сам себя, как бы тебе лучше это объяснить… разрушаешь изнутри. Своим страхом, своей нелюбовью к дому, своими частыми и ненужными отлучками. Хочу увидеть мир – не тянет как отговорка. Разберись в себе самом. Если дашь себе труд подумать, поймешь, что «мой дом – моя крепость» не самая дурацкая банальность. Возвращайся быстрее, но без твоих этих обычных рефлексий. Как у нас говорят, раскрой дому свою душу. Чтобы он стал твоим. Внутри себя активируй программу «это мой дом», тогда все встанет

на нужные места. Потом, кстати, расскажешь мне поподробнее про ваши семейные легенды. Жутко любопытно. Да, и еще. Узнай, что с матерью. С ней необязательно общаться, просто узнай. Это важно. Взрослей уже, Ги.

– Все это верно, не поспорить. Но я как подумаю, что в доме, кроме отца…

– Так, – она не дала ему договорить, – кажется, я ясно выразилась – без рефлексий. Кстати, Сабина твоя – обычная не очень счастливая тетка. Не дура, понимает, что ничего, кроме внешности у неё нет, а красота не вечна, сколько в салонах ни сиди. Боится каждый день, что замена ей найдется без проблем. А тут еще ты, то еще сокровище. Не злись на неё все время, сразу легче станет. Пригласи в библиотеку, кофе попить.

– Ну уж нет. За совет, конечно, спасибо. Но как–нибудь попозже. Хотя, в этом что–то есть. Катя… спасибо тебе. Без тебя…

– Поняла. Давай без долгих прощаний. А то разговор грозит затянуться.

Он слышит её смех, потом отбой. Решение принято. Спасибо, Катя, мой ангел–хранитель. Единственный ангел, в которого я верю.

***

Пришлось что–то придумывать в оправданье срочного отъезда. Получилось не очень ловко, он не мастер на такие выдумки. В последний вечер решили устроить ему «отход-

ную». Кажется, это называлось так.

– Ги, а ты нашего Гребенщикова слышал? – отец Владимира не очень трезв, поэтому непривычно общителен. – Я тебе сейчас поставлю. Что вы слушаете, все не то. А это музыка моей молодости, лучше ничего не было. Понимаешь, что я говорю?

Он соглашается. Больше–меньше, уже все равно. Скоро его здесь не будет.

– Вот, это я люблю больше всего. Это одно из его последних. «Соль» называется. Гребень и сейчас молодец. Понимаешь, что такое соль?

Он кивает, он знает, что такое соль.

– Вот эту песню. Ритуля, переводи, ты у нас мастер, а то с моим английским мне не осилить.

Стандартная гитара. Не очень затейливо, скорее, с претензией. Русским, кажется, было бы лучше остановиться на классике. Хотя он слышал и хуже.

– « Закрой за мной, я не вернусь» , – Рита переводит старательно, но он уже многое понимает и без перевода. Ему почти понравилось. Литература русским удается явно лучше музыки.

***

Он заходит в «свою» комнату. Ему пора собираться. Хотя он и привык путешествовать налегке, но предпочитает не откладывать сборы на последний момент. Отцовская школа.

Рита и Вован. Сидят на кровати и рассматривают его вещи. Замечают его не сразу, но, похоже, его присутствие их не смущает.

– Ой, какая книжка классная, – она хватает книгу в белом кожаном переплете. Одно из его приобретений для библиотеки. Кожа, малый тираж, прекрасные иллюстрации. Дед его бы понял.

– Рита, – он старается говорить спокойно, – аккуратнее, пожалуйста, с книгой. По–хорошему, такие книги берут в специальных перчатках, все–таки белый переплет. И не надо её так сильно раскрывать, книги от этого портятся.

– Господи, чего ты так трясешься над этой книгой, – Владимир берет книгу из ритиных рук и небрежно бросает её на кровать. – Подумаешь, захотела Ритка книгу посмотреть, а ты уже так разволновался, как будто она у тебя её украсть хочет. Странные вы все же люди, европейцы. Все у вас с какими–то сложностями.

– Между прочим, ты у нас в гостях, – Рита встает с кровати, отталкивает ногой его сумку. Она пьяна, и, кажется, неадекватно обижена. Её лицо, раньше оно казалось ему симпатичным, искажается от злости. – Мы к тебе со всей душой, хотели как лучше, а ты вот как. Да что с тобой говорить… Фрик он и есть фрик.

– Извини, я не хотел тебя обидеть, но эта книга…

– Да не хочу я больше ничего слышать об этой книге. И к тому же, ты не осилишь её ни в жизнь. Стишки такой же

фрик вроде тебя писал сто лет тому назад. Так что пошел ты … И книгу свою драгоценную не забудь прихватить. Я все сказала.

– Ребята, не ругайтесь, – Вован пытается спасти ситуацию. – Ги, я тебя завтра в аэропорт отвезу, ты не беспокойся, у меня завтра свободный день на работе. Так что без проблем.

– Вован, спасибо тебе, но я уже такси заказал, – гнева уже нет. Только усталость. И пустота.

– Ну, как знаешь. Как у нас говорят, наше дело предложить.

– Пошли отсюда. Они же такие гордые. Им ничего от нас не надо. – Рита тянет его за рукав. – Всё, Ги, пока–пока. Надеюсь, больше не увидимся.

Он старается на неё не смотреть. Ему все равно. Пусть бесится, к тому же, похоже, она отчаянно нетрезва. Странно, раньше он не замечал, как быстро и некрасиво она напивается. А, может, и притворяется более пьяной, чем есть на самом деле. Русские пьяным прощают легче, чем трезвым. Хороший повод сказать все, что думаешь.

Он ушел рано утром, пока еще все спали. Оставил записку с благодарностью. Прощания бы он не выдержал. Лучше лишний час в аэропорту.

Самолет выруливает на взлетную полосу. «Закрой за мной, я не вернусь». Со стихами у русских всё хорошо.

***

– Пап, привет, я прилетел.

– Отлично, не ждали тебя так рано, но это здорово, что ты вернулся. Как раз вовремя, сегодня Эммануэль с Аленом у нас. Так сказать, шахматный мини–турнир. Надеюсь, ты еще не забыл , как в шахматы играют.

– Не забыл. Пап..

– Что?

– Я так соскучился.

На этот раз он подъехал к главному входу. В окне второго этажа едва заметно дрогнула занавеска. Конечно, Сабина наблюдает. Он помахал рукой её силуэту в окне. Не ждала, что ж, отныне это её сложности. Он приехал домой. К себе домой. Надолго. А лучше навсегда.

***

– Марго, привет, это Ги. Как дела?

– Ох, Ги, привет. Наконец –то, а я уже думала, ты старых друзей совсем забыл. У меня всё супер. Как ты?

– Отлично. Предлагаю на днях встретиться. Ты не против?

– Конечно, не против. У нас тут новый бар открылся, классное место. Не Париж, конечно, зато уютно и можно поговорить спокойно. Я уже в твоих маршрутах запуталась, но ты, кажется, в России был. Расскажешь про Москву?

– Расскажу обязательно. И даже фото покажу. Хотя самые интересные у меня в Сибири получились. Их Байкал – просто фантастика. Сама увидишь. Лу говорит, у тебя скоро кошка приплод принесет.

– Ну Лу и болтушка. Как–будто кроме кошки говорить больше не о чем.

– Я сам спросил. Хочу котенка взять. Обожаю кошек, давно хотел, но все время в разъездах был, а теперь вот решил осесть.

– А как твоя мачеха? Ну, то есть я хотела сказать, у неё же, кажется, две собаки.

– Это только так называется, собаки. Не собаки, а недоразумение. Придется им привыкать, ничего не поделаешь. Да и дом большой, всем места хватит. Ты мне девочку самую красивую оставь. Договорились?

– Сам лучше выберешь. Я тебя первого позову. Кстати, ты уже имя придумал, как назовешь?

Секунду помедлил.

– Я назову её …Москва.

Я ПОЗВОНЮ ТЕБЕ В ПЯТНИЦУ

– Ги, Ги, иди сюда скорее, – Сабина зовет его, кажется, из гостиной. Голос мачехи обычно глубокий, бархатный, сейчас срывается на крик. Господи, ну что там опять случилось. Он нехотя ставит чашку на стол.

–Забери, скорее свое чудовище. Хорошо, что я вовремя пришла, а то они опять бы подрались.

Она прижимает к себе свою крошечную собачку. Рок явно трусит, но марку старается держать – рычит и скалит зубы. Чувствует, что на руках у хозяйки ему ничего не грозит. Его Москва равнодушно смотрит в пространство. Еще в кошачьих глазах снисходительное презрение – она презирает трусов и ябед.

– Надо закрывать двери в гостиную, что бы они сюда вообще не ходили. Да, кстати, твоя кошка опять пыталась точить когти о диван. Купи ей, наконец, когтеточку. – Сабина идет к двери, она любит, чтобы последнее слово оставалось за ней даже в мелких бытовых стычках. Сегодня он не в настроении спорить.

– У неё хотя бы лапы чистые, по улице не шатается.

Он возвращается на кухню. За окном парк в клочьях мокрого тумана. Он хотел сегодня спокойно позавтракать. У него на сегодня никаких планов. Сегодня день, который не

нужно расписывать по минутам, а можно просто наслаждаться ничегонеделанием, вернее, делать то, что захочется делать, здесь и сейчас. Не вышло. Шаги Сабины за спиной. Она недавно встала, еще не успела толком привести себя в порядок, но в последнее время не очень его стесняется.

– Извини, что оторвала тебя от кофе. Но я твою кошку боюсь. Как–то не хотелось, что бы она меня поцарапала. В прошлый раз недели две заживало. Кроме тебя она никого не признает. На тебя похожа.

Мачеха права. Кошки больше похожи на хозяев, чем собаки, хотя и принято думать иначе.

– Когда приедут твои русские гости?

– Послезавтра. И не гости, а гостья. Вы с отцом уезжаете, поэтому я и пригласил, чтобы всем было спокойней.

– Да уж… В прошлый раз, когда к тебе приезжали… Не запоминаю я эти русские имена… Отец с сыном. Им ничего, а твоего отца я потом еле в порядок привела.

Положим, насчет имен привирает, память у неё цепкая. Делает вид, что не воспринимает всерьез. А вот насчет отца, к сожалению, права. Отец тогда перебрал изрядно, недооценил силу русского самогона. Володин отец сам гонит на даче под Москвой. В первый раз попробовав, он и сам оказался не в лучшем виде, поэтому теперь осторожен. Но Сабину посвящать во все эти подробности излишне.

– Она красивая?

– Кто? – вопрос застает его врасплох.

– Твоя гостья, разумеется, – Сабина стоит к нему спиной, достает из холодильника свой утренний смузи. Это очень кстати – он никак не научится контролировать внезапно накатывающий румянец, который может выдать его в самый неподходящий момент.

– Нет, – ответил даже более резко, чем хотел. – Она умная.

– Конечно– конечно. Не всем же быть красивыми, должен же быть кто–то умный. – У Сабины, которая до сих пор очень хороша, явное преимущество. – Хотя умная женщина для мужчины настоящая катастрофа. Ну, тебе видней. Ты же у нас особенный. Кстати, у нас еще есть кофе? Сегодня хочу устроить себе праздник.

– Да, еще есть. Я недавно купил. – Он рад, что разговор опять становится «ни о чем». Сабина – последняя, с кем бы он был готов говорить о Кате. Ждал её с волнением и нетерпеньем, много чего хотел ей рассказать. Кстати, поблагодарить за совет: он первым сделал шаг к примирению, и теперь, если отношения с мачехой и нельзя назвать особенно теплыми, то в доме хотя бы относительно спокойно. Отсюда теперь почти не хочется бежать подальше и на подольше. Да и не может он теперь такого себе позволить. Москва кошка с характером, обидится. Сядет к нему спиной, делая вид, что он для неё не существует. Потом нехотя простит, когда выдержит достаточную с её, кошачьей, точки зрения, паузу. Кошек он уважал за гордость и независимость. Не то что собаки, готовые терпеть от хозяев все что угодно и беспрекословно

слушаться. Сам он подчиняться не любил и редко когда это делал, даже если и сознавал, что не вполне прав и настаивает на своем исключительно из упрямства.

– Когда вы с отцом уезжаете?

– Он завтра утром, а я еще не знаю когда. Скорее всего, не позже пяти вечера.

– Вы разве не вместе?

– Нет, не вместе. – Он не понимает, чего в её голосе больше, грусти или упрёка. – Понимаю, Ги, ты привык, что мы всегда вместе. Но если бы ты был повнимательнее к тому, что вокруг тебя творится, то заметил бы, что мы теперь часто разъезжаемся в разное время и в разных направлениях. Отец по делам. Говорит, что в Париж. А я съезжу к сестре в Бордо. Не беспокойся, уеду до приезда твоей подруги. Не буду вам мешать.

– Ты не мешаешь, – он отвечает не думая, скорее, просто из вежливости. Конечно, ему хотелось бы остаться с Катей вдвоем. Одним в доме. Но сначала он поведет её гулять в парк, а может, если погода позволит, он покажет ей их семейную ферму. Она давно просила. Они немного замерзнут. Тем приятней потом будет сидеть у камина, чей живой огонь уютно подмигивает им в темноте. Он не будет зажигать свет. Только потрескивание огня, медленно пьющееся вино и неторопливая беседа. А потом они просто будут молчать. Им хорошо молчать вместе. Редкое качество в человеке, когда молчать с ним не менее приятно, чем говорить.

– Хорошего дня, Ги. Мне надо еще будет сделать кое–какие покупки перед отъездом. – Сабина возвращает его к реальности. – Пока.

Обернувшись на пороге, машет ему рукой. Но кажется, вот–вот расплачется. Ему даже стало её немного жалко. Первый раз за все время. Похоже, Катя и в этом была права: Сабина не навсегда. После матери у отца было много женщин, хотя Сабина единственная, кто задержался у них надолго. Возможно, скоро это надолго может перейти в плоскость прошедшего времени. Впрочем, это его мало касается. У него своя жизнь или, если честнее, должна быть своя. Пока он просто плывет по течению, не очень хорошо себе представляя куда. Ему бы с собой разобраться, а они решат свои проблемы без него.

***

Он любил этот звук. Чуть шершавый звук шин авто, подъезжающего по гравиевой дорожке к главному входу. Звук закончившегося ожидания. Раньше это был отец. Теперь Катя. Наконец–то.

В первый момент не понял, что происходит. Катя не одна.

– Здравствуй, Ги. Знакомьтесь. Моя подруга Инга.

Дежа вю. Три года назад. Отец, слегка смущенный, и она, Сабина. Снизошедшая до знакомства с олимпа своей красоты. И он, Ги, от этой красоты почти потерявший дар речи и с трудом поборовший внезапно охватившее его желание

убежать от этой красоты, спрятаться у себя в комнате, чтобы никогда с той, которой эта красота досталась, не встречаться взглядом, не перемолвится словом, не столкнуться ненароком в их огромном доме.

Ощущение прошло быстро. Этой до Сабины как до Луны, хотя довольно симпатичная. Правда, как и многие русские, переусердствовала с косметикой, да и черные волосы явно недавно покрашены. Наверное, свой собственный – обычный «пепельно–русый», который отец, небольшой поклонник славянской красоты, называет мышиным. Слегка суетится, похоже, понимает, что неожиданный визит без приглашения не всегда приятный сюрприз для хозяина. И где они только находят эти тряпки? Смесь попугая с городским сумасшедшим.

–Проходите. Прямо по коридору вход в гостиную. Занесу ваши вещи в дом и присоединюсь к вам.

Катя слегка отстала. Пытается что–то ему объяснить.

– Извини, тысячу раз извини, – говорит непривычно быстро. – Это моя бывшая однокурсница. Чтобы вышло подешевле, поехали во Францию вдвоем. Это моя вина, я так расписала ваше … твой дом, что Инга прицепилась как репей. Я совершенно не могла от неё отделаться.

– Без проблем, но ты хотя бы мне позвонила. – Кажется, голос звучит слишком взволнованно и сердито. Что плохо, он ничем не хотел выдавать обиды и разочарования. Он так ждал этого дня. Вот тебе и прогулка по окрестностям, вот

тебе и тихий вечер у камина под вино и откровенный разговор. Подумал, что присутствие отца или Сабины было бы как нельзя кстати. Отец расцветает в обществе молодых женщин невзирая на красавицу жену. А Сабина, судя по всему, нашла бы прекрасного собеседника для обсуждения последних новинок из глянцевых журналов и модных сайтов.

– Что будем делать? Я думал тебя на ферму сводить. Но теперь, судя по шпилькам твоей подруги, прогулка исключается.

– Извини, – она чуть не плачет.

– Не расстраивайся, – он говорит уже намного мягче, понимает, что не всегда от нас всё зависит, и свои планы часто приходится менять. А уж мечты и подавно. – Съездим в ресторан. У нас недавно открылся, там очень приятно. Может, даже встретим кого–нибудь из моих бывших одноклассников. Согласна? Только вот что, и прошу тебя без обид: скажи своей подруге… кстати, забыл, как её зовут… – классный прием от Сабины, – что бы сняла свои каблуки, а то у нас не так могут понять. Глушь, ничего не поделаешь.

– Глушь тут ни причем. Думаешь, я не понимаю, что у вас это просто не очень прилично, считаешь, если я из Сибири…

Зря он, конечно, к каблукам прицепился. Это все из–за матери. Она комплексовала из–за своего, как ей казалось, маленького роста и даже по парку гуляла на шпильках. А потом, уже после развода, на тех же шпильках тайком пробиралась в парк, благо ограда низкая, и шпионила за отцом.

Признаться, это было самым невинным в перечне её нервных расстройств, но с тех пор он не любит женщин на слишком высоких каблуках. И вот теперь досталось Кате, которая и без того чувствует себя не в своей тарелке.

– Тихо, тихо, тихо… Ничего я не думаю, но ты все–таки попробуй. А то вдруг… – неожиданно для самого себя прыскает от смеха.

– А то вдруг – и тебе придется взять на себя роль рыцаря и защищать честь девушки, которая, откровенно говоря, в этом не очень нуждается.

Он любит её смех. Искренний и красивый. Давно заметил, что мало кто умеет смеяться красиво. Сабина тоже умеет. Впрочем, она всё делает красиво.

***

Вечером было почти хорошо. Инга, сначала явно скучавшая в их обществе, быстро нашла общий язык с его бывшим одноклассником. Интересно, о чем они говорят, если учесть, что у обоих английский далек от совершенства. Подумал об этом вскользь, поблагодарив случай за то, что именно сегодня он привел в ресторан Марселя, который бывал тут не очень часто. Они же с Катей получили возможность остаться почти наедине. Не так, конечно, как дома перед камином. Но лучше так, чем никак.

– Кстати, как у тебя дела с мачехой? Если не хочешь отвечать, не отвечай, понимаю, что это сугубо личное.

– Спасибо тебе. Воспользовался твоим советом. Хотя не

решался довольно долго. Дело даже не в том, что надо было преодолеть гордость и обиды. Про гордость и обиды мне тогда так казалось. Элементарно не мог найти тему для разговора. Москва помогла.

– Москва? Прости, не поняла. Ты начал с того, что поделился впечатлениями о России? И, конечно, с Москвы. Мне даже как–то обидно. Москва – обычный город. Особенно центр – всего лишь беспомощная копия Европы. Лучше бы про наш город рассказал. Вот уж где экзотика. Даже для москвичей, а уж для европейцев…

– Забыл тебе сказать. Москва – это моя кошка. Потом познакомитесь. Она просто чудо, хотя и не очень любезничает с незнакомыми.

– Москва… да, неординарно. Это как минимум. А как максимум, крепко же тебя Москва зацепила. Это плохо. Так что постарайся ограничиться кошкой. С ней безопасней. Впрочем, ты же все равно все сделаешь по–своему.

– Неправда. Я же тебя послушал и пригласил Сабину вместе кофе попить. Ты бы знала, чего мне это стоило в первый раз. Вот Москву и обсуждали. Он тогда еще совсем котенком маленьким была. А потом почти в привычку вошло. Я про утренний кофе.

– С отцом у них как?

– Не знаю, я теперь с отцом реже вижусь, хотя почти все время дома. Мне кажется, что какая–то связь между нами порвалась. Причин понять не могу, но все идет не так. Хотя

четко даже не могу сказать, что это за «всё» и как оно должно идти «так». Мы отдалились друг от друга. И Сабина тут совсем не виновата. Кажется, что–то у них с отцом перестало ладиться. Но я буду последним, кто об этом узнает. Просто поставят перед фактом. Мне и обидно, что меня игнорируют, и спокойнее. Участвовать в решении их проблем нет никакого желания. Сами разберутся. Кстати, похоже, нам пора домой, а то вдруг придется вспомнить о рыцарской чести, а мне этого совсем не хочется. Понимаешь, о чем я?

***

Он уже собирался лечь, когда в дверь постучали. Москва, уже задремавшая в ногах кровати, недовольно вскинула голову и вопросительно на него посмотрела.

– Не смотри на меня так, я сам не знаю, кто это может быть. Хотя, кажется, догадываюсь.

Он ошибся. Не Катя. Инга стояла перед ним, в майке и коротеньких шортах, но на тех же неизменных шпильках. Интересно, спит она тоже на каблуках и при полном макияже?

– Что–то случилось?

–Нет, извини, просто не могу справиться с телефоном. Никак не переходит на местного оператора. Поможешь?

– Боюсь, что нет. Я в телефонах не очень разбираюсь. Давай до завтра подождем, съездим в город, в их офис.

– Ты совсем дурак или просто претворяешься?

Ногой в шпильке захлопывает дверь. Наверное, останется след, – последнее, о чем успел подумать. Это, не считая

оправдательного «почему бы нет».

Все оказалось быстрее и скучнее, чем хотелось бы. Фигура у нее, конечно, почти безупречная, но какая–то девушка оказалась неповоротливая, да и стонет как актриса в дешевых порнофильмах, которые они малолетками тайком смотрели в доме его школьного приятеля. Он едва сдержался, чтобы не рассмеяться и не сказать что–нибудь обидное. И что теперь ему делать? Почему–то стало стыдно перед Катей. Хотя чего он должен стыдиться. Это, в конце концов, её подруга, которую он, как помнится, не приглашал. Стало еще поганее, потому что понимал, все эти отговорки гроша ломаного не стоят, да никто их и не ждет. Просто самому противно.

Она первой нарушила молчание.

– Курить у тебя есть?

– Нет, в нашем доме никто не курит.

– Понятно. А у вас тут классно. Мне Катька столько рассказывала, но я себе даже не представляла, что так круто.

Пауза.

– Я вот думаю, – её английский отчаянно плох, но он понимает, о чем она. – Вот почему одним всё, а другим ничего?

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что одним такие вот огромные дома с парком, а другим двушка в Сибири. В старой пятиэтажке. И жить в одной комнате с бабкой, которая все никак не умрет. Утром в ванну не попасть, она у нас с туалетом вместе. Отец всегда первым лезет, не дождешься, пока выйдет. Я из–за него

столько раз на работу опаздывала. И денег вечно не хватает. Мать каждый рубль считает. Сапоги себе новые раз в три года покупает. Знаешь, мои родители вместе уже лет тридцать живут, а отдыхать на море только два раза ездили. Каждый год на огороде целое лето. И думают, что это нормально. Типа у нас все так живут. А я вот не хочу так. Ну, как все. Как мать с отцом, как старший брат с женой. Не знаю, что сделаю, но так жить не буду. Да ты все равно не поймешь, о чем я. Как тебе понять, если у тебя комната больше, чем наша квартира.

Он пожимает плечами. Сказать ему нечего. Он столько раз уже это слышал, что все рассказы кажутся копипастом с акцентом на сочувствие, которое вроде как должны вызывать. Перестал объяснять, что их собственность – это деньги, труд и постоянные заботы. Ну не рассказывать же ему этой почти незнакомой и, кажется, очень неумной и очень недалекой девице о том, что дом уже заложен. О том, что налоги каждый год висят над головой дамокловым мечом. О том, что совсем скоро они будут сдавать его чужим людям под свадьбы и юбилеи. А иначе им просто не выжить. О том, как отец боится потерять работу и соглашается на любые рейсы, хотя он, пилот международных авиалиний, еще год назад о таком и подумать не мог. Она не поймет, да и не её это дело.

– В модельное агентство хочу попасть. Как думаешь, получится?

– Не знаю, какие у тебя шансы в модельном бизнесе, знаю

только, что вроде русские там пользуются спросом. Правда, конкуренция жесткая. И да, черные волосы тебе совсем не идут. Тем более, как я заметил, черные они только на голове. Или уж покрась везде. Косметики поменьше. У нас так только трансгендеры вечером в Булонский лес красятся. И такие же каблуки надевают.

Она обиженно замолкает, но надолго ее молчания не хватает.

– Я, между прочим, уже кое–что умею. В шестнадцать первый раз снялась для нашей газеты. Первые деньги заработала и сразу такие классные джинсы себе купила – просто супер. Их теперь моя племянница носит. У меня и портфолио есть. Мой приятель по дружбе у нас в Иркутске делал. Боюсь, правда, что здесь это не пройдет. Мы все–таки провинция.

– Катька говорила, ты фотки классные делаешь. Мне сделаешь для портфолио?

– Нет. Во–первых, это стоит денег, а просто «по дружбе», как у вас в России, у нас не принято. Ну или как исключение. Очень редкое исключение. – Он говорит медленно, чтобы она легче его понимала, объяснять по нескольку раз не хочется. – А, во–вторых, я не профессиональный фотограф, так что работаю только по вдохновению и с тем, что мне самому интересно.

– А со мной не интересно?

– Нет. Объяснять, почему не интересно, не буду. Прости,

устал.

Москва неслышно запрыгивает на кровать.

– Кошка у тебя классная. – Инга тянет к ней руку. Москва к таким вольностям не привыкла. Шипит и пятится.

– Ну–ну, девочка моя, успокойся. – Он берет Москву на руки. Еще, чего доброго, оцарапает эту дурочку, с неё станется. Ему такие неприятности не нужны.

– Я смотрю, твоей кошке мое присутствие не нравится. А может, она ревнует. – Инга идиотски хихикает.

– Знаешь, мы просто привыкли спать без посторонних. Места у нас достаточно, как ты уже не преминула мне заметить. – Зря он так сложно говорит. «Не преминула». Это, наверное, даже в её русский тезаурус не входит. – Инга, хочешь, я провожу тебя до твоей комнаты, если боишься наших коридоров. Хотя я специально для вас с Катей на всякий случай оставил аварийное освещение. Не очень светло, но не потеряешься.

– А ты, кстати, с Катькой спишь?

– Как я понял, провожать не нужно.

– Ну да, о чем это я. С Катькой спать – это храбрым мужчиной надо быть. Она, конечно, девчонка добрая и читает жутко много, но такая страшненькая. Ну то есть некрасивая, что бы ты понял.

– Дверь там. Это что бы ты поняла.

– Да… а у нас легенды ходят о том, какие французские мужчины необыкновенные и как они за женщинами красиво

ухаживают.

– Потому и легенды, что к реальности отношения не имеют. До завтра.

– Окей. Как хочешь, а то могли бы и повторить. Насчет фоток, кстати подумай. Если у меня всё получится, я отблагодарю.

– Подумаю. Спокойной ночи.

Добрел до кровати, повернулся лицом к стене. Знал, что в глазах Москвы осуждение. Она не доверяет слишком высоким каблукам.

***

Встал рано. Сам не зная зачем, пошел в библиотеку. Катя. Неловко примостилась на ступеньках лестницы–стремянки. Читает.

– Привет.

– Привет, – она не сразу отрывается от книги, и на какое–то время ему кажется, что его «привет» так и повиснет в воздухе. – У тебя тут такие сокровища. И кстати, никаких ужасов и привидений, о которых ты мне рассказывал. А вот с террасы дует сильно. Мне думается, оставили бы меня здесь на месяц, я бы ни разу даже бы не вышла.

– А чтобы кофе попить? Надеюсь, Инга еще спит.

Она смотрит ему в глаза.

– Вчера она ко мне ночью прибежала. Естественно, чтобы мне все рассказать. Только прошу тебя, не надо ничего мне говорить, особенно оправдываться. Ты мужчина, а Инга де-

вушка привлекательная, да и без комплексов.

Он хочет возразить, быстро понимает, что будет только хуже.

– Кстати, она от тебя не в восторге. Тебе же лучше. И, по–моему, поняла, что ловить ей тут нечего. Она не дура. Удивляешься, наверное, почему у меня такая подруга?

— Это как раз не удивительно. С нами не всегда те, кого нам хотелось бы видеть рядом.

– У нас с Ингой всё и проще, и сложнее. Мы с самого детства знакомы, в один детский сад ходили, в одном классе учились, потом в институте в одной группе. С тех пор никак не расстанемся, хотя общего у нас – ноль. Стандартная история. Семья у неё, как у нас говорят, неблагополучная. Отец пьет, мать уборщица. Так что некому было Ингу к высокому и прекрасному приобщать. А вообще она очень надежный человек. Всегда поможет, когда надо. Иногда я даже ей завидую. Её целеустремленности. Поставила себе задачу – за границу переехать, карьеру сделать, из нищеты и убогости вырваться. Начать жить по–человечески, как она себе это представляет. Другое дело, что единственный способ, который считает самым верным, – через постель. У нас многие так думают и многие пытаются. Правда, только единицам удается.

– Давай оставим Ингу в покое. Не хочу об этом говорить. Катя, я понимаю, что все как–то наперекосяк пошло, но мы ведь останемся друзьями.

Она смотрит на него так, словно видит в первый раз. Что–то новое в её взгляде, и это новое его пугает. Он всё чувствует, но он к этому не готов. Он этого не хочет. Она его единственный друг. Пусть она далеко, пусть видятся они очень редко и все их общение на милости Интернета. Пусть так. У него, кроме неё, никого. Никого, кому он доверят как себе. Никого, с кем поделиться, к кому прислушаться, кому пожаловаться, если плохо. Но из–за дуры Инги, вернее, из–за какой–то насмешки судьбы, которая эту Ингу сюда принесла, все рушится. Их добрые отношения, их искренность и легкость, с которой они открывались друг другу. Она захотела большего. Он – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.